

УДК 343.102

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОПРОСОВ А. В. КОЛЧАКА

Михайлов М. А.

***Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Украина***

Путем изучения стенографических отчетов заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака, проводившей допросы адмирала в январе-феврале 1920 года в Иркутске, предпринимается попытка проанализировать ведение допроса с тактической и процессуальной стороны, профессионализм членов комиссии и цели допросов, а также линию защиты, выбранную арестованным, и причины его откровенности.

Ключевые слова: допрос, тактико-криминалистический анализ, Колчак А. В.

Личность Верховного правителя России адмирала Колчака А. В., его жизнь и деятельность в последнее время вызывают повышенный интерес не только ученых, но и деятелей культуры, представителей СМИ и широких кругов общественности. Долгие годы советской идеологией формировался однозначный образ этого человека как руководителя антинародного режима, карателя, навязанного интервентами, жестокого и бездарного самозванца.

Исчезновение пропагандистских установок привело к волне популистских публикаций и даже к отдельным перегибам в оценке личностных качеств адмирала, его роли в истории, безоговорочно превращая Колчака А. В. из сатрапа в мученика. Наряду с основательными, имеющими научную основу изысканиями, такими как труд профессора Плотникова И. Ф. [1], диссертационные исследования Дрокова С. В. [2] и Ожиганова А. Л. [3], книга Зырянова П. Н. в серии «Жизнь замечательных людей» [4], подборка материалов сибирского исследователя Егорова Г. В. [5], появились публикации, романтизирующие личную жизнь адмирала [6; 7], а известный художественный фильм «Адмирал» той же направленности возглавил рейтинги просмотров.

Пересматривается отношение к заслугам адмирала Колчака А. В. и со стороны государства. Решением российского правительства возвращено первоначальное название острову Колчака (с 1937 по 2005 г. остров носил название Растрогуев) в Карском море, установлена мемориальная доска в здании Морского кадетского корпуса Санкт-Петербурга, выпускником которого является А. В. Колчак, поставлен памятник адмиралу в Иркутске и стоит вопрос о сооружении памятного знака в Севастополе.

Были предприняты попытки юридическими средствами оправдать Верховного правителя России, однако в январе 1999 г. Военный суд Забайкальского военного округа признал его не подлежащим реабилитации, а затем Военная коллегия Верховного суда РФ также не нашла для этого оснований [8, с. 36].

В желании объективно оценить личность адмирала А. В. Колчака и даже попытаться сделать вывод о его внутренних качествах и особенностях характера, мы об-

ратились к документам, характеризующими последний и самый трагический период в жизни этого человека – к протоколам заседаний Чрезвычайной следственной комиссии, в ходе работы которой производились допросы адмирала.

Целью настоящей статьи стала попытка через показания допрашиваемого, получить представление и о выбранной им перед членами следственной комиссии линии поведения, и о степени его откровенности, и об особенностях его личности. Вместе с тем, мы попытались раскрыть и истинные задачи работы комиссии, степень компетентности ее членов и определить тактическую картину противостояния допрашивающих и допрашиваемого.

Однако прежде необходимо отметить обстановку производства этих «следственных действий», осветить предысторию и охарактеризовать их участников. 15 января 1920 года Колчак А. В., и его окружение, отступая на Восток по Транссибирской магистрали, под «параллельной охраной» чехов и большевиков, прибыли в Иркутск, власть в котором захватил эсеровский Политцентр. В 21 час адмиралу было объявлено, что он арестован, и его препроводили в губернскую тюрьму в одиночную камеру № 5 на первом этаже. Условия содержания были достаточно жесткими. Размеры камеры, восемь шагов на четыре, аскетичная тюремная обстановка, отключение света и особенно холод были особенно чувствительны и унижительны для простуженного Верховного правителя России. Из того, что Колчак А. В. был помещен в одиночную камеру, следует вывод, что оперативная работа с ним не велась, да и сложно было подобрать сокамерника, который мог бы вызвать доверие узника такого уровня. Единственное тактическое условие, которое было соблюдено – это раздельное содержание арестованных, не позволяющее им общаться и вырабатывать общую линию поведения во время производства следствия. В то же время узники, по крайней мере, Колчак А. В. и Тимирёва А. В. могли общаться путем передачи записок, а авторы фильма «Адмирал» включили в сценарий эпизод, где они с ведомо охраны встречаются во время прогулки в тюремном дворе.

Следственные комиссии стали создаваться Политцентром в городах и уездах с 5 января 1920 года, для расследования деятельности самозванного правительства Колчака, а также для «рассмотрения дел о лицах, арестованных в период свержения власти правительства адмирала Колчака во внесудебном порядке» [6, с. 40]. Трудно судить о процессуальном статусе этого органа, и если проводить какие-то параллели, в его работе, то скорее не с судебными следователями, а с деятельностью ВЧК. В любом случае члены комиссии должны были придерживаться каких-то процессуальных процедур в ходе получения доказательств. Будь-то допрос, выемка, обыск или осмотр. В состав комиссии вошли: ее Председатель меньшевик-интернационалист Попов К. А.; члены: представитель от Политцентра – инструктор Союза кооперативных объединений «Центросибирь», социал-демократ, меньшевик-интернационалист Денике В. П., от земского политбюро – бывший председатель Амурского правительства, секретарь Государственного экономического совещания правительства Колчака, член Учредительного собрания эсер Алексеевский А. Н., от Исполкома Совета профсоюзов Сибири – эсер Лукьянчиков Г. И., а также эсер Герштейн Л. Я. и председатель Иркутской уездной земской управы эсер Головки И. И.

[9]. В допросах Колчака А. В. непосредственное участие принимали лишь первые четверо. Лукьянчиков Г. И. хотя и был представлен адмиралу как член следственной комиссии по его делу, судя по стенографическому отчету, не задал ни одного вопроса.

Из числа допрашиваемых более или менее значимый опыт юридической работы имел лишь Попов К. А., имевший диплом юридического факультета Тартуского университета, что оправдывало его председательство. Образование и юридический опыт председательствовавшего, кстати, проявляется и в содержании документов. К тому же Попов вел протоколы большинства допросов (лишь однажды это сделал Денике В. П.) и заверял стенографические отчеты. Состав комиссии подбирался не по следственному опыту, а по их осведомленности в деятельности колчаковского правительства, приобретенной в ходе борьбы с ним. Это признает сам Попов в своем предисловии к опубликованным протоколам [5, с. 58]. Юридическое образование имел также и Денике В. П., что, видимо, явилось основанием для назначения его заместителем председателя комиссии. Однако возраст (во время работы комиссии, ему было 26 лет), видимо не позволял быстро освоиться в новой роли. На первых допросах он почти не подает голоса. Кстати, возраст имеет немаловажное значение в установлении психологического контакта на допросах. Все члены комиссии были моложе адмирала и наиболее активными из них как раз были самые старшие по возрасту. Самым авторитетным в комиссии был, пожалуй, Алексеевский А. Н. – член Учредительного собрания, Председатель Амурского правительства. В свое время он приветствовал приход адмирала к власти, но, убедившись, что Верховный правитель, восстанавливая унитарное государство, не разделяет взглядов об автономии Дальнего Востока, быстро разочаровался в нем. Отсутствие юридического образования (Алексеевский А. Н. закончил Петербургскую духовную Академию) не смущало этого члена комиссии, он был самым активным на допросах и две трети из 325 вопросов заданы именно им. Уже к началу второго допроса власть в Иркутске сменилась, и чрезвычайную следственную комиссию возглавил бывший командир отряда броневладельцев большевик Самуил Чудновский, который, появившись на втором допросе, задал три вопроса адмиралу и, судя по всему, эта деятельность ему не понравилась. Второй раз участие Чудновского С. Г. в работе комиссии зафиксировано лишь 6 февраля непосредственно перед расстрелом. Но и там он был немногословен. Несмотря на отсутствие юридических наклонностей, именно участие в деле Колчака сыграло роль в дальнейшей карьере Самуила Чудновского. В 1922 г. он становится председателем Петроградского (затем Ленинградского) губ(обл)суда, в 1933 г. – возглавляет Уральский облсуд, а в 1934 г. – Обь-Иртышский.

Что примечательно: почти все члены комиссии имели тот или иной тюремный опыт. Алексеевский в марте 1918 г. содержался в городской тюрьме Благовещенска за поддержку казачьего мятежа, Чудновский С. Г. с июля по декабрь 1918 года находился сначала в Красноярской, а затем в Иркутской тюрьме, а Попов К. А. еще в июне 1918 года стал узником тюрьмы в Омске. Сам Колчак А. В., хотя и был далек от уголовной юстиции, понимал значимость юридического расследования для поддержки тех или иных решений. На последнем допросе, он дает показания о попытках с помощью уголовного расследования установить виновных в массовых убийст-

вах, расхищении имущества, но признается, что они не достигали нужного результата. Известна роль Колчака А. В. и в установлении обстоятельств убийства царской семьи. Именно он специальным актом добился активизации расследования, благодаря чему следователь Соколов Н. А. установил почти все детали произошедшего. Лишь взятие Екатеринбурга большевиками не позволило обнаружить тела погибших еще в 1919 г.

Историки не сообщают об участии Колчака А. В. в допросах в каком бы то ни было качестве до событий 1920 года, однако можно предположить, что он допрашивался в японском плену после падения Порт-Артура. Но этот опыт вряд ли можно считать основательным. Языковой и барьер отсутствие необходимости в особой настойчивости у японских следователей вряд ли могли вызывать какое-либо тактическое противостояние.

Обычно протоколы допросов составляются самими допрашивающими. И если допрашиваемый не воспользовался правом собственноручной записи показаний (а, судя по этим документам, такое право Колчаку А. В. даже не разъяснялось), то содержание протоколов нельзя считать полностью объективным. Желает этого допрашивающий или нет, но воспринятое им обязательно преломляется в сознании, что обязательно найдет свое отражение на бумаге. Протокол обычно не позволяет судить в полной мере о накале страстей на допросе, не отражаются в нем и большинство тактических приемов следователя, и уловки допрашиваемого. Сегодня полнота отражения обстановки, хода и содержания допроса восполняется аудио и видеозаписью этого следственного действия, однако в то время и в тех условиях об этих способах фиксации не могло быть и речи.

И, тем не менее, об отдельных процессуальных и тактико-криминалистических особенностях допроса Колчака А. В. можно судить, благодаря стенографическому отчету, который велся при работе комиссии. Полнота и достоверность этого отчета критикуется историками. Отмечается, что расшифровка и печатание текста по стенограмме проводилась стенографистками на дому, причем одна из них бросила работу и выехала из Иркутска. Одна из стенограмм была изорвана (ее остатки до сих пор хранятся в отдельном пакете в Центральном архиве ФСБ России) [9] и восстановление ее содержания было произведено достаточно вольно. Существует четыре варианта расшифровок стенографических отчетов, и мы изучили наиболее достоверные, на взгляд специалистов, свидетельства [10]. В то же время, с процессуальной точки зрения эти документы, не заверенные самим Колчаком А. В. (некоторые были расшифрованы даже после его расстрела), не могут иметь доказательственного значения. А ведь именно на основании их содержания принимались юридические решения об отказе в реабилитации Колчака А. В. уже в наши дни.

Комиссия допрашивала Колчака А. В. девять раз – 21, 23, 24, 26, 27, 28, 30 января, а также 4 и 6 февраля. Перерывы в допросах можно объяснить сменой власти в Иркутске – 22 февраля она перешла от Политцентра к большевикам. 25 февраля был выходной, а начало февраля в Иркутске отмечено напряженностью в связи с подходом белогвардейских частей Каппеля-Войцеховского.

Политцентр сразу после ареста Колчака А. В. настаивал на недельном следствии и предании его суду, но юрист Попов К. А. настоял на двухнедельном расследовании. Можно предположить, что этим поступком Попов К. А. тянул время и даже продлил жизнь адмиралу, однако последний мотив вряд ли можно было приписать бывшему омскому узнику. Вообще, по всем процессуальным нормам он не мог не только возглавлять следственную комиссию по делу Колчака А. В., но даже и участвовать в ней. На последнем допросе адмирала выяснилось, что в ходе подавления Колчаком Омского восстания 22 декабря 1918 начальник унтер-офицерской школы капитан Рубцов забрал из тюрьмы нескольких арестованных и до суда расстрелял их. Находившийся в той же тюрьме Попов К. А. чудом избежал этой участи лишь из-за того, что был в тифозной камере. Таким образом, у него были личные счеты, как с Рубцовым, так и с Колчаком, его деятельность в составе комиссии не могла быть объективной, и он должен был взять самоотвод. Как нам известно, большевики в конце концов, вообще упразднили все формальности, исключив какое-либо судебное разбирательство и перешли к расправе. Но первоначально следственная процедура разворачивалась достаточно размеренно. Члены комиссии понимали, всю важность и ответственность момента. Был составлен план ведения допросов, подготовлен список вопросов, надо полагать, были распределены и роли.

В качестве основной, как можно понять из содержания документов, была выбрана перекрестная форма допроса, характерная для работы комиссий. Это было очень кстати при проведении следственных действий с фигурантами такого статуса и интеллектуального потенциала. В одиночку допрашивать Верховного правителя, противостоять ему в тактическом поединке было бы гораздо сложнее. По свидетельству председателя комиссии Попова К. А. поведение Колчака А. В. на допросе отличало его от образа действий других допрашиваемых. Он держался как командир армии, проигравшей кампанию, ответственно и с достоинством [5, с. 62]. Он не заискивал перед следователями, не говорил, что стал невольным участником чьей-то грязной игры. В его поведении не было признаков трусости в отличие от других подследственных. Председательствующий, бывший присяжный поверенный, на первом допросе постарался выполнить даже некоторые процессуальные формальности. Он сообщил Колчаку А. В., что тот находится перед Чрезвычайной следственной комиссией, и огласил ее состав. После этого он даже сообщил ему о праве не давать ответов на вопросы комиссии и вообще не давать никаких показаний. Об обязательном сегодня праве иметь защитника Попов К. А. адмиралу не упоминал.

Тактика ведения допроса предполагает несколько последовательных стадий его производства: установление личности, свободный рассказ, постановка вопросов, ознакомление с содержанием протокола и его подпись. Действительно на первом допросе Попов К. А. и Алексеевский А. Н. задали три вопроса для установления личности: «Вы Адмирал Колчак?», «Сколько Вам лет?» и «Вы являлись Верховным правителем?». Стадия свободного рассказа в тактике допроса предоставляет допрашиваемому право самому изложить видение интересующих следствие фактов и обозначить свою линию поведения на допросе. Она позволяет обезопасить следователя от навязывания своей версии случившегося вопросами к допрашиваемому. Однако в случае с Колчаком А. В. стадия свободного рассказа отсутствует. Члены ко-

миссии сразу принялись задавать адмиралу вопросы, причем касающихся все более узкого круга обстоятельств. Это можно объяснить как неопытностью комиссии, так и отсутствием четкого обозначенного предмета самого допроса.

Можно предположить, что основной задачей работы комиссии было выявление «антинародности и марионеточности» колчаковского режима. И ее члены начали с того, что пытались выяснить, каковы истоки такой политики Верховного правителя. Вот почему на первых допросах, пожалуй, даже с излишней обстоятельностью, исследуются такие периоды жизни и деятельности Колчака А. В., как его арктические экспедиции, участие в русско-японской Первой мировой войнах. Колчак охотно дает ответы на все вопросы, благодаря чему историки узнали массу подробностей, не сообщенных им нигде ранее. Такая откровенность Колчака А. В. и его обстоятельность в показаниях наводит современных исследователей на мысль о том, что адмирал, во-первых, использовал протоколы работы комиссии, как своеобразные мемуары, а, во-вторых, что он своими показаниями пытался в какой-то мере затянуть время. Второй задачи ему достигнуть не удалось, комиссия просто стала сворачивать свою деятельность даже в ущерб скрупулезности изучения последнего и самого важного для нее периода жизни Колчака А. В.

Несмотря на тактическое преимущество перекрестного допроса перед другими его формами, члены комиссии пользовались этим неумело. Так при выяснении политических взглядов Колчака на события 1917 года Алексеевский А. Н., Чудновский С. Г. и Попов К. А., словесно буквально набросились на допрашиваемого, причем перебивая друг друга, а не дополняя один вопрос другим. Лишь на последнем заседании Попов К. А. и Денике В. П., работая во взаимодействии, пытались уличить Колчака в его осведомленности о порках и убийствах рабочих на ст. Куломзино и в Красноярске.

Стенографический отчет дает основания полагать, что между допрашиваемым и членами комиссии, в общем, был установлен психологический контакт. Алексеевскому А. Н. адмирал особенно импонирует. В своих вопросах бывший член Учредительного собрания употребляет фразы на французском языке, показывает свою историческую и политическую осведомленность, задает риторические вопросы, а иногда и вопросы наводящие, что в следственной практике недопустимо. Например, считая, что своим ответом Колчак А. В. может польстить арестовавшей его власти, Алексеевский А. Н. спрашивает адмирала, не утверждал ли он, что «большевики лучше, чем японцы?» [5, с. 182], что империалистическая война «дальше продолжаться не может, надо подчиниться необходимости кончить ее и пойти за той действительной властью, которая представляется Советами?» [5, с. 150]. Однако допрашиваемый не стал отвечать на эти вопросы в угоду следователям, хотя и мог это сделать. В своих ответах, он даже не воспринял терминологию допрашивающих, называвших события 1917 г. «революцией», продолжая именовать их «переворотом».

На последних допросах в поведении Колчака А. В. уже не отмечается большой откровенности и охотных ответов. Особого накала это следственное действие достигло во время выяснения обстоятельств подавления восстания омских рабочих, о

которых, их непосредственный участник, председательствующий Попов К. А. был осведомлен особенно подробно. Когда члены комиссии пытались изобличить Колчака в причастности к подавлению Омского восстания, адмирал стал путать факты, в его ответах нарушается логичность, он все чаще начинает ссылаться на свою неосведомленность в действиях подчиненных, учинявших расстрелы, утверждает, что многого уже не помнит. В конце концов, Колчак А. В. дает показания, что был в болезненном состоянии такой степени, что не мог говорить и только слушал доклады о происходящем. Допрашиваемый не перекладывает свою ответственность на подчиненных, но в то же время и не желает принимать ее на себя. Степень его откровенности заметно снижается, когда члены комиссии пытаются выяснить вину кого-либо из подчиненных Колчака А. В. Представляется, что арестованный адмирал не желает, чтобы его показания использовались впоследствии для изобличения кого бы то ни было. Несмотря на нестройность ответов адмирала, следователям все же не удается изобличить его в издании жестоких и преступных приказов.

Допросы заканчиваются в последний перед расстрелом день. Комиссии так и не удалось полностью исследовать «корни колчаковщины» и вскрыть ее преступную сущность. В целом, содержание протоколов оказалось более посвящено деятельности Колчака А. В., еще до вступления в должность Верховного правителя, сделавшего его «врагом революции и новой власти». Выяснилось, что в серьезном расследовании преступлений Колчака А. В., доказывании его личной вины и нет большой необходимости. Когда в ночь с 6 на 7 февраля 1920 года, когда Чудновский С. Г. зачитал адмиралу постановление о расстреле, вопрос Колчака А. В.: «Разве суда не будет?» так и остался без ответа [4, с. 576].

В заключении можно сделать вывод о том, что стенографические отчеты допросов Колчака А. В. стали выразительным свидетельством неудачной попытки придать законный характер казни плененного Верховного правителя России путем проведения так называемого следствия. Чрезвычайная следственная комиссия, не отличаясь ни тактическим профессионализмом, ни высокой юридической компетентностью не смогли получить прямых доказательств вины адмирала и его признания (что показательно, большинство самих следователей впоследствии стали жертвами такого же юридического произвола. Так Лукьянчиков Г. И. уже в 1922 году был арестован по делу читинских эсеров, этапирован в Ярославль, а затем выслан в Туркестан. Чудновский С. Г., занимавший высокую судебную должность, был репрессирован в 1937 г и расстрелян. Денике В. П. был арестован, обвинен в создании контрреволюционной организации, являясь членом Коллегии адвокатов Свердловского района Москвы. Он не смог себя защитить, и в апреле 1939 года также был расстрелян. Алексеевскому А. Н., несмотря на заслуги перед революцией, пришлось стать эмигрантом. И только Попов К. А. не пострадал и даже возглавил Омский губисполком. В 1922 года он стал историком партии и в 1925 году под его редакцией были опубликованы стенограммы допросов Колчака А. В. Сам же допрашиваемый, защищаясь как мог, в то же время не преминул воспользоваться последней возможностью, чтобы оставить потомкам воспоминания об отдельных страницах своей яркой и достойной жизни.

Список литературы

1. Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России / И. Ф. Плотников. – М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2003. – 702 с.
2. Дроков С. В. Следственное дело А. В. Колчака как источник по истории гражданской войны в Сибири : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук : спец. 07.00.09 «История России» / С. В. Дроков – М., 1998. – 20 с.
3. Ожиганов А. Л. Отечественная историография колчаковского режима, ноябрь 1918 – январь 1920 гг. : дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / А. Л. Ожиганов – Екатеринбург, 2003. – 317 с.
4. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России / П. Н. Зырянов – М. : Молодая гвардия, 2006. – 637 с.
5. Колчак Александр Васильевич – последние годы жизни / [составитель Г. В. Егоров]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991. – 304 с.
6. «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» / [сост. Т. Ф. Павлова, Ф. Ф. Перченко, И. К. Сафонов]. – М., 1996: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://biblioteka.org.ua/book.php?id=1121020134&p=0>.
7. Кантор Ю. «Я Вас больше чем люблю...». Адмирал Колчак: роман перед расстрелом / Ю. Кантор: [Электронный ресурс] // Известия науки. – 6 февраля 2004. – Режим доступа: <http://www.inauka.ru/history/article39096.html>
8. Михайлов М. А. Крымский год Колчака: Воспоминания перед расстрелом / М. А. Михайлов // Military Крым, 2005. – № 3 – С. 36-44.
9. Дроков Сергей. Колчак и реабилитация / С. Дроков: [Электронный ресурс] / Православное информационное агентство «Русская линия». – 8.11.2004. – Режим доступа: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=712595>
10. Верховный правитель России: Документы и материалы следственного дела адмирала А. В. Колчака / [С. В. Дроков, Е. И. Ермакова, С. В. Кониная, Г. А. Трукан и др.]: [Электронный ресурс] – М. : Институт Российской истории Российской Академии наук, 2003. Режим доступа: <http://www.iri-ran.ru/trukan.html>
11. Допрос Колчака. / [под ред. К. А. Попова]. – Л. : ГИЗ, 1925: [Электронный ресурс] // Проект «Военная литература» / [ред. П. М. Андриянов]. – М., 2005. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/docs/1917-20/db/kolchak/index.html>.

Михайлов М. А. Тактико-криміналістичний аналіз допитів О. В. Колчака / М. А. Михайлов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2009. – Т. 22 (61), № 2. С. 56-63.

Шляхом вивчення стенографічних звітів засідань Надзвичайної слідчої комісії у справі Колчака, що проводила допити адмірала в січні-лютому 1920 року в Іркутську, робиться спроба проаналізувати ведення допиту з тактичного і процесуального боку, професіоналізм членів комісії і мети допитів, а також лінію захисту, вибрану заарештованим і причини його відвертості.

Ключові слова: допит, тактико-криміналістичний аналіз, Колчак О. В.

Mikhaylov M. Tactical and forensic analysis of Kolchak's interrogation / M. Mikhaylov // Scientific Notes of Tavrida National V. I. Vernadsky University. – Series: Juridical sciences. – 2009. – Vol. 22 (61), № 2. – P. 56-63.

By examining stenographic records of meetings Extraordinary Commission of Inquiry on the Kolchak's case, that took place in in January and February of 1920 in Irkutsk, its attempting to analyze tactical and procedural side of interrogation, the professionalism of the committee members and the purpose of interrogation, as well as a kind of protection that is chosen by arrested and reasons for his frankness.

Keywords: interrogation, taktiko-kriminalisticheskyy the analysis, Kolchak A.V.

Поступила в редакцию 14.09.2009 г.